

Надежда  
**ВАСИЛЬЕВА**  
 г. Петрозаводск



рассказ

Ёлка сиротливо стояла за проводным ограждением с ярким кричащим названием — «Новогодний базар!». Стояла в самом углу передней его части, недалеко от символических ворот, и всякий раз пугливо вздрагивала, когда мимо по трассе с шумом и грохотом проносился какой-нибудь грузовик.

О грузовике она не могла вспомнить без содрогания. Он появился в их лесу за неделю до Нового года. Что тут началось! Взыли пилы. Застучали топоры. В одночасье молодой ельник превратился в истоптанную снежную поляну, усеянную уродливыми обрубками смолистых стволов и обломками хвойных веток. Маленькая, хрупкая, ставшая сразу такой беззащитной, она оцепенело смотрела на следы варварского разбоя. Старшие сестры, которые всегда так заботливо защищали её своими мохнатыми лапами от мокрого снега, от резких порывов хулиганского ветра, стояли теперь, пленённые, в загородке грязного кузова, с привязанными к стволу ветками. Ужас и бессилие перед происходившим сковали ёлку. А когда мотор грузовика снова грозно взвыл, из кабины вдруг выскочил подвыпивший парень в засаленной фуфайке, подбежал к елке, лихо взмахнул топором и одним махом срубил её под самый корень. Хмельно ослабившись, выдохнул: «Вот так! Чтоб подчистую! И концы в воду. Хотя плохонькая, но для подарка сойдет! Ведь дареному коню в зубы не смотрят!» Впопыхах он бросил ёлку в кузов так небрежно, что у неё сломалась макушка. Вот потому и ютилась она теперь в самом углу базара, искалеченная, никому не нужная.

На календаре был канун Нового года. Шёл последний день предпраздничной торговли. Редкие покупатели, мельком взглянув на неё, равнодушно проходили мимо. Неужели её так никто и не купит? Что же тогда с ней бу-



дет? И почему забыл про нее этот парень? Пусть бы в подарок. Разве она спорила? Всяко лучше, чем в печь или на свалку. От этих безудельных мыслей у ёлки задрожали нижние ветки, и она, почти без чувств, упала в сугроб, который намело у шеста нехитрого проволочного ограждения. К ней тут же подбежала рыжая сторожевая собака, обнюхала её ствол и беспардонно задрала заднюю лапу!

В этот момент совсем рядом остановились мужчина, женщина и маленький мальчик лет шести.

— Ну, Венька, какую будем брать? — окидывая взглядом небогатый выбор, шутливо потрепал сына по шапке мужчина. В том, что это были отец с сыном, у ёлки сомнений не было. Малыш был как две капли воды похож на этого доброго, улыбчивого человека.

Продавец, толстый дядька в пуховике, очень похожий на снеговика, переведа взгляд с сына на отца, пораженно хмыкнул в усы:

— Тут уж не поспоришь! Твой! Ну прямо копия в миниатюре! — И, обращаясь к малышу, спросил: — Какую нагядел?

— Эту хочу! — И маленькая тёплая рука осторожно дотронулась до ёлкиного колкого ствола.

— Да ну! Облезлая какая-то! — презрительно скривила тонкие губы женщина и брезгливо передёрнула плечами, заметив жёлтую дырку в снегу, оставленную сторожевой собакой.

— Нет, мама! Она красивая! Давай купим её! — упрямо настаивал мальчик. — Ну, пожалуйста!

— Ну и красавица! — язвительно отвернула лицо в сторону Венькина мама. — Со сломанной макушкой!

— Ну, это не беда! На макушку звезду надем, — поддержал мальчика отец. — Раз Венька просит — так тому и быть!

Решительный голос мужчины ёлке сразу понравился, и она с благодарным трепетом подалась ему навстречу.

Ёлку поставили на широкий подоконник, в вазу с родниковой водой, которую достала для неё из серванта полная, но очень шустрая старушка. Такого радушного приёма ёлка никак не ожидала. Вдоволь напившись чистой воды, она вся разом оттаяла и даже распушилась от радости. На неё повесили большие блестящие

шары и две гирлянды с разноцветными огоньками. Маленькие лампочки одной из них поочередно вспыхивали то ярко-красным, то синим, то изумрудным светом, а то вдруг начинали мигать тремя цветами одновременно. Лампочки другой зажигались одним, ярко-серебристым, светом, и, казалось, огоньки исполняют какой-то азартный и торжественный танец.

Ёлка взглянула на себя в большое зеркало, что висело на противоположной стене прихожей, и вся затрепетала, теперь уже от явного удовольствия. Королева!!! Но тут Венькина мама почему-то закрыла дверь в прихожую. Тогда ёлка стала любоваться своим отражением в тёмном экране телевизора. И снова поймала на себе ревностный взгляд. Ох уж это женское соперничество! Не успела подумать, как Венькина мама взяла да и включила телевизор. На экране красовалась собой огромная ель, упирающаяся своей макушкой в самое небо. Она стояла в центре большой площади в окружении ледяных гор и сказочных избушек, вокруг которых толпились визгливые ребяташки. Низкорослые пони, горделиво позванивая привязанными к дугам бубенцами, катали в своих расписных повозках вокруг площади всех желающих. Лампочки на этой ёлке были большими и мигали в такт весёлой музыке. Ёлка заворожённо смотрела на экран, но никакой зависти не испытывала. Мама-ёлка с детства учила её с благодарностью принимать всё, что даётся судьбой. Всему свой час! К тому же за время пребывания на ёлочном базаре она наслушалась, насмотрелась и натерпелась всякого. Ну и пусть Венькина мама любит красавицей елью на экране, зато Венька не отходит от неё ни на шаг. От его восторженного взгляда у ёлки закружилась голова. Шары на нитках быстро-быстро закрутились, сначала в одну, потом в другую сторону. А он ещё взял и нежно тронул рукой её ветки. Ёлка мигом спрятала с иголок острые коготки.

— Мама, правда, наша ёлка самая красивая?!

Но мама не удосужилась даже ответить. Зато появившаяся в дверях гостиной бабуля всплеснула руками:

— Конечно, красивая! Это ты выбирал?

Венька гордо кивнул и для пушей важности шмыгнул носом.

А к вечеру гостиная заполнилась какими-то людьми. Они клали под ёлку подарки и с неподдельным интересом разглядывали её сверкающий наряд. Запах мандарин, пирогов и свечей не мог перебить ее хвойного благоухания. Всю новогоднюю ночь в квартире было шумно и весело, громко звучала музыка. А под утро, ни с кем не простившись, праздник незаметно исчез. Гирлянды выключили. В приоткрытую форточку тихонько заползла замёрзшая скука и, судя по всему, решила обосноваться в гостиной надолго.

Днём в комнате орал полоумный телевизор, который для Веньки включила бабуля. Но Венька его не смотрел. Он словно прилип к морозному окошку. И радости в его глазах не было, хоть праздники ещё не закончились и со двора в квартиру доносился визг и смех его сверстников. Впереди, по словам бабули, ещё Рождество и Святки, а потом Крещение. Так почему же Венька такой грустный? Тс-ссс! Вот он поворачивается к ней. Ёлка дрогнула и замерла. Может быть, хоть сейчас что-нибудь прояснится?

— Ёлка, миленькая, — тихонько зашептал Венька. — А где теперь папа? Почему он ушел? Где ночует? Бабуля говорит, что у дяди Вити. Что случилось? Из-за чего они с мамой поссорились? Вернётся ли он к Рождеству? Раньше папа никогда не уходил из дома. И мама так изменилась! Всё время молчит, а глаза, как у снежной королевы. Ни на какие вопросы не отвечает, будто я в чём-то перед ней виноват. Стал ей про динозавров рассказывать, а она мне так зло говорит: «Хватит ерунду молоть! К психиатру дяде Жене захотел? Так сходим». Больно нужен мне ее дядя Женя! Длинный, что кол осиновый, и сутулый, как рыболовный крючок. Да ещё эта дурацкая косичка на затылке! Пристал со своими вопросами: «Скажи, дружок, тебе часто снятся страшные сны?» Какое ему дело?! А сон страшный, действительно, приснился, сразу после этого разговора. — Венька оглянулся и понизил голос. — Приснилось, будто этот дядя Женя с мамой танцует, а из-под белого халата у него хвост торчит. Длинный, как шланг резиновый, с мохнатой кисточкой на конце. И на голове из-под волос роги торчат. Обнимает ма-

му своей волосатой рукой, к себе притягивает, а у самого в глазах красные фонарики горят. Страшный такой! Ещё на Новый год в гости припёрся! Папе водки в рюмку всё подливает и подливает. Конечно, сначала при гостях ни хвоста, ни рогов не показывал. Но копытом маме на туфлю всё-таки наступил. Я видел! И маму словно околдовал. Смотрит ему в глаза и никого вокруг не видит: ни папу, ни бабушку, ни меня! Вот потому я и закричал: «Мама! Пусть он уйдёт!» Ты помнишь, что тут началось?!

Ещё бы! Ёлка помнила. Со всех сторон на Веньку накинудись взрослые: «Ну и ребёнок!», «Слишком много себе позволяет!», «Уложите его немедленно спать!!!»

От этих горьких воспоминаний по Венькиным щекам потекли горячие слёзы. Ёлка вздохнула так тяжело, что зелёные иголки снопом посыпались на гладкий паркетный пол. Знала она и то, что было потом, после того, как бабушка увела Веньку в спальню. Но об этом лучше молчать!

— А знаешь, ёлка, почему мама потащила меня к этому психа..психу..психиатру? — от слез Венька с трудом вымолвил это слово. — Просто я вижу всё, о чём думаю. А мама не верит, что такое может быть. Вот, например, мама спрашивает: «Какой он, твой динозавр Кеша?» Я ей рассказываю всё в деталях, а у неё в глазах испуг. Она даже в домового не верит! А он в моей комнате живёт. Обычно спит под батареей. Он совсем не злой. Пушистый и мягкий, как обезьянка Чи-Чи, которую мама кладёт со мной в постель. Только Чи-Чи не умеет баловаться, а домового умеет. Стоит маме открыть дверь, он тут же прячется под кровать. И почему он так её боится? Мама думает, что я разговариваю с Чи-Чи. А на самом деле — с домовым. Но в гостиную он не заходит. И потому показать его тебе я не могу. Одна бабуля про него знает. Но тоже не видит.

Венькину бабулю ёлка любила. Та каждый день подливала ей в вазу свежей воды. От неё всегда вкусно пахло пирогами и ванилью. А ещё бабуля души не чаяла в Веньке.

Прошло несколько дней, тихих, угрюмых, как гипсовая маска Пьеро, висящая в комнате родителей. Венькина мама приходила домой

поздно и тут же исчезала в спальне. Глядя ей вслед, бабуля только головой качала.

Перед Рождеством к ним забежал дядя Витя и передал Веньке подарок от папы: пожарную машину с длинным шлангом, через который можно было «взаправду», как выразился Венька, качать воду. Венька давно о такой мечтал. И поначалу обрадовался, но ненадолго. Оно и понятно: зачем ему эта машина, если сам папа домой так и не вернулся. И потому новые джинсы, что подарила мама, Венька примерять не стал, хоть карманы и дразнились смешными аппликациями.

Венька крепко подружился с елкой и делился с ней всеми своими секретами. А если чего-то и недоговаривал, то она легко читала это в его глазах. Ведь в них отражается все, о чем думает человек. Без зазрения совести может лгать болтливый язык, способны лживо кривиться губы, может гнусно фальшивить предательский голос, но глаза!.. Даже у самых коварных людей они могут притвориться лишь на минуту, не более... И если долгое время молча наблюдать за ними со стороны, в них видно всё, что творится на душе у человека.

— Елка! — однажды тихонько позвал ее Венька. — Вот бы знать, кто такой этот Иисус Христос! Я у бабушки спрашивал. Она хотела рассказать, но мама не велит. Говорит, мол, нечего забивать ребенку голову всякой ерундой... Ей этот дядя Женя внушил, что у меня психика слабая. И даже таблетки какие-то выписал, но бабуля мне их не дает, выбрасывает в помойное ведро. Мама об этом не знает. Как ты думаешь, кто из них прав? Мне кажется, бабушка. Таблетки ведь горькие очень! А еще мама бабушку ругает за иконы, что в бабулиной комнате висят. Но бабуля все равно молится Богу каждое утро и каждый вечер. Говорит, что ей этот Бог помогает. Я у папы спрашивал. Он только плечами пожимает. Одно твердит: «Вырастешь — сам во всем разберёшься!» Но ведь это будет так нескоро! А еще я хочу знать, что будет со мной, когда умру? Но ни бабушка, ни папа, ни мама слышать об этом не хотят! Почему?

Елка молчала. Да и что на это скажешь? Таким премудростям ее в лесу не учили. Правда, однажды она видела, как упала старая замше-

лая ель. Упала от легкого порыва ветерка, бжежавшего впереди грозовой тучи. Легла на землю спокойно, достойно, красиво, без треска и скрипа, без судорожной ломки сучьев, не подмяв под себя никого из молодняка. Еще долго по лесу гуляло эхо глухого удара, словно откуда-то из-под земли звучала музыка вселенского гимна великой мудрости бытия. И только почему-то мелко дрожала стоящая поодаль высокая осина, нервно сбрасывая с себя яркие осенние листья. Они медленно кружились в воздухе и опускались на шершавый ствол упавшей ели разноцветными пятнами — бордовыми, красными, желтыми. Потом хвоя ели побурела и осыпалась, тонкие веточки засохли и обломались. А через год на гладкий сухой ствол могли присаживаться для отдыха усталые ягодники и грибки. Они нежно гладили руками теплую древесину и благодарили ель за добрую услугу. О такой смерти можно было только мечтать! А ещё ёлке тоже очень хотелось вырасти. Но возможно ли это теперь?

В канун Рождества они опять были втроем: ёлка, Венька и бабуля. Венька, как всегда, смотрел в окно и грустно водил пальцем по снежным рисункам, какими разукрасил стёкла влюблённый в ёлку крещенский мороз. Он всюду рисовал её лапки, даже на стёклах троллейбуса, остановка которого была видна чуть в стороне от их двора. Но сейчас ёлке было не до его признаний. Ей было жаль Веньку. Жаль так, что по стволу её текли липкие, как смола, слёзы.

А когда пробило двенадцать, бабушка взяла в руки карты. Раскладывая их по дивану, нарочито бодро напевала песенку про какого-то попугая. Слова известных песен бабуля, как по секрету сообщил ёлке Венька, любила переиначивать на свой лад. И от этого все песни, даже самые серьёзные, в её исполнении звучали очень смешно.

*Нагадал нам попугай счастье по билетуку.*

*Я три года берегу эту арифметику.*

*Любовь — кольцо. А у кольца начала нет*

*И нет конца! Любовь — кольцо!*

— Бабуль, ну что там у них? — как бы между прочим спросил Венька, не отводя печального взгляда от окна.

Ёлка хмыкнула. Хитёр, однако! Сейчас бабуля, как под гипнозом, выложит ему всю подноготную. И только потом спохватится. Так оно и есть!

— Да ничего хорошего! Опять этот бубновый валет возле неё трётся! Вот нечистая сила! Откуда он взялся-то на нашу шею, дьявол?! И эта тоже хороша! Всё хвостом трясёт! А отца на горизонте не видать!

Вскинув испуганный взгляд на Веньку, прикрыла рот рукой. Опомнилась! Погрозила ему пальцем:

— А ну не выпрашивай! Не твоего ума дело! Подошла к иконе, перекрестилась.

— Прости ты меня, Господи, что опять за карты взялась. Бес попутал. Сую нос не в свой вопрос. Прости и помилуй. На всё воля твоя.

— Бабуль, а где мама? — допытывался Венька.

— А я почём знаю! Леший носит! Я ей сегодня устрою праздник! А ты ложись-ка спать! Пойдём, я тебе новую сказку расскажу.

— Бабуля, миленькая! Подожди минутку. Я хочу желание загадать! Ты ведь говорила, что оно может исполниться. Ведь сегодня волшебная ночь!

Венька достал с полки фломастеры и нарисовал на чистом листе ватмана папу с мамой. Они крепко держались за руки.

— Бабуль! Я так хочу, чтобы они помирились! Если завтра на картинке появится солнышко, значит, папа вернётся домой и у них всё будет хорошо. А если нет...

Венька шмыгнул носом, и по щекам его покатались крупные слёзы. Бабуля проворно вскочила, вытерла мокроту с Венькиного лица своей пухлой ладонью и прижала Веньку к мягкому боку:

— Не горюй, внучек! Всё образуется. Вот увидишь! Это я тебе обещаю! А я, ты знаешь, слов на ветер не бросаю. Вспомни: разве обманывала когда?

Венька уткнулся носом в ее грудь и успокоился, поверил. Бабуля повела его в спальню.

Щёлкнул выключатель. Ёлку окутала темнота. Но спать не хотелось. Из окон соседних домов в гостиную проникали отблески света и пробивались приглушённые отголоски чужой гулкой радости. И ёлке так захотелось нарисовать на картинке солнце! Только как это сделать? И вдруг

осенило! Да проще простого! И стала усердно скидывать иголки, осыпая ими игрушечный шар. Иголки ложились на картинку ровным кругом. Потом принялась выкладывать лучики. Чем не солнышко?! Только зелёное.

В двери повернули ключом. Слышно было, как Венькина мама осторожно расстёгивает молнии на сапогах. Свет она не включала. Снова хотела тихонько проскользнуть в спальню, но не тут-то было. В прихожей, как призрачное изваяние, грозно застыла бабуля.

— А ну-ка, гулёна, пройди в кухню. Разговор есть! Думаешь, ничего не вижу? Когда бросишь хвостом крутить?! И нечего ребёнка по психиатрам таскать! Он больше тебя в этой жизни понимает! Чтобы завтра же у мужа прощения просила! Ты повод для ссоры дала!

Гневный голос бабули накалялся всё сильнее и сильнее. Слов она не подбирала. Хлестала ими Венькину маму, как пастух блудных коров цепким бичом.

— Заварила кашу, так расхлёбывай! А не то погоню метлой поганой из квартиры! Болтайся, где хочешь и с кем хочешь! Не думай: раз мать твоя, так буду тебя выгораживать! И ребёнка травмировать не позволю!

Много чего наслушалась ёлка за эту ночь. Только к утру, когда бабуля, наконец, вдоволь наругалась, а Венькина мать досыта наплакалась, наступила долгожданная тишина.

Едва поднявшись с постели, Венька в пижаме подбежал к ёлке, взглянул на картинку и громко закричал:

— Бабуля! Смотри! Солнце! Зелёное! Ну что! Теперь я знаю, они помиряются!

Из кухни выглянула бабуля, хитро прищурила глаза:

— А я что тебе говорила?! Пусть только попробуют не помириться!

Все праздничные дни мама была дома. И после праздника с работы домой возвращалась рано. Правда, на Веньку с бабушкой смотрела стеклянными глазами. У игрушечного кота Матроскина во взгляде жизни было больше, чем у неё. До самого Крещения ёлку так никто и не зажигал. Венька теперь бегал с ребятами во дворе. Ёлка наблюдала за ним с подоконника. Иногда он поднимал голову и приветливо махал ей рукой. Всякий раз, возвращаясь с прогулки,

Венька смотрел, не появились ли в прихожей папины ботинки. Но ботинок не было. А вечером, в канун Крещенья, бабуля пошла за крещенской водой, прихватив с собой две пластиковые бутылки. Венькина мама не выходила из своей комнаты. У неё постоянно звонил мобильник, но она нажимала на кнопку «отбой». При каждом очередном звонке Венька напряжённо морщил лоб, как от сильной головной боли. В такие минуты он очень походил на маленького старичка. И ёлка страдала вместе с Венькой. Вот он подошёл к ней и прошептал:

— Ёлка! Это всё тот звонит! Что с рогами и хвостом! Но мама не отвечает. Слышишь? Может, это потому, что бабуля гадала? — Ёлка не совсем уверенно кивнула. — Как ты думаешь, папа завтра пойдёт купаться в проруби? На Крещенье он купается в проруби каждый год. И маму уговаривал, но она такая трусиха! Я вырасту, тоже моржом буду. А сейчас пока бабуля не разрешает. — Вздохнул и грустно добавил: — Знаешь, ёлка, я верю, что завтра что-то произойдёт. Только не знаю что?!

Ёлка молча подрагивала, и шары на ветках начинали нетерпеливо крутиться. Ей тоже хотелось верить в чудо! А ещё хотелось набраться сил и дать новые ростки. За ними в рост пойдут корешки. И начнется новая жизнь. Она слышала, такое иногда бывает. Взрослые ёлки на базаре рассказывали об этом.

Венька, не мигая, смотрел на ёлку своими большими серыми глазами, и ёлка видела в них всё, о чём он думал. Веньке вспомнились прошлые Святки, когда он, Венька, вместе с мамой и папой ездил колядовать по друзьям и знакомым. Папа вырядился в Бабу Ягу: надел мамин атласный халат, прилепил себе длинный горбатый нос из пластилина, обвязал голову бабулиным пуховым платком, из-под которого торчали лыковые космы волос. Ребята во дворе визжали от восторга, наблюдая за тем, как он метлой опахивает колёса своей старенькой «Волги» да ещё отпугивает их, прыгая на метле с каким-то диким присвистом. Мама была цыганкой, а он, Венька, Снегурочкой. В нежно-голубом платье и в маминном парике, с накрашенными ресницами и губами, его никто из знакомых не признал. Все спрашивали: «А это что за девочка?»

Вечером, когда Венька лёг спать, бабуля принялась кисточкой ставить на обоях комнаты кресты, приговаривая: «Нечистая сила, поди вон из квартиры!» И делала это с таким усердием, что ёлку охватил какой-то нервный озноб. А потом бабуля топила воск и сливала его из железной чашки в воду. Долго и внимательно разглядывала застывший на воде рисунок, потом довольно потёрла ладони и прошептала: «Слава Богу!»

В эту ночь ёлка почти не спала. Слышала, как приходили гулкие сообщения на мамин мобильник, как тревожно ворочался на своей постели Венька и как грозно кашляла бабуля.

Рано утром мороз нарисовал рядом с портретом ёлки солнышко. Нарисовал так искусно, что ёлка загляделась и иголки её снова мелко задрожали. Ей даже почудилось, что она стала старше, причем не на один год, на много лет, и на стволе у неё появились новые годовые кольца. Может, так оно и было на самом деле, только размышлять об этом времени не было. Она ловила каждый шорох, каждый звук. Ведь сегодня непременно должно что-то произойти.

Вот хлопнула входная дверь. Вниз по лестнице застучали лёгкие каблочки сапог Венькиной мамы. Куда это она? Бабуля тоже пристально следила за дочерью, глядя в кухонное окно. И все напевала один и тот же куплет:

*Нагадал нам попугай счастье по билету,  
И куда ж деваться нам с этой арифметикой?*

Из спальни выплыл заспанный и потому вялый Венька. Заглянув в мамину комнату, скис ещё больше. На ёлку даже не взглянул. Сел в кресло и тупо уставился в пол, часто мигая длинными ресницами и почёсывая острое колено. В гостиную вошла бабуля. Потрепав Веньку по голове, включила телевизор и снова исчезла в кухне, где вкусно пахло пирогами. По телевизору показывали купель, священник освящал в ней воду. Вокруг стояли люди в плавках и купальниках. Венька зевнул и хотел было уже выключить телевизор, но тут вдруг увидел на экране папино лицо. Он на минуту онемел, а потом заорал как сумасшедший:

— Ба!!! Ба!!! Смотри! Папа!!!

Облизывая пересохшие губы, бабуля застыла в дверях. Ёлка тоже узнала Венькиного папу. Вот он спускается по лестнице в ледяную прорубь. Спускается так спокойно и с таким достоинством, словно собирается окунуться не в ледяную воду, а в парное молоко. Ёлка вся так и сжалась от напряжения. И тут камера показала бледное и строгое лицо Венькиной мамы. Она тоже была в купальнике и тоже спускалась в купель, только с другой стороны проруби. Они оба разом нырнули с головой под воду и поплыли навстречу друг другу. Раздались аплодисменты. Это хлопали в ладоши одетые в шубы люди. И вот уже папа растирает маму полотенцем и помогает ей одеваться. К ним подходит тележурналист с микрофоном.

— Скажите, вы муж и жена?

— Да! — отвечает папа, обнимая маму за плечи.

— Вы, я вижу, не новичок в этом деле. А у вашей жены, полагаю, сегодня дебют.

— Угадали! Лиха беда начало!

— И последний вопрос: вы верите в то, что, окунаясь в крещенскую воду, человек разом очищается от всех своих грехов?

— Конечно! — говорит папа и целует маму в щёку.

Венька закрыл лицо кружевной подушкой, что лежала в кресле, чтобы бабуля не видела его слёз. Хотя бабуля и сама вытирала глаза

передником. И ёлкин ствол зашекетали липкие капли.

А когда стали передавать прогноз погоды, Венька вскочил, подбежал к ёлке и ...обомлел, глядя на кончики её веток. На них зеленели новые ростки, мягкие и нежные, как расплывшиеся в улыбке пухлые Венькины губы.

— Выросла! Ты выросла!!! — заморожённо прошептал Венька и включил гирлянды. По веткам весело побежали серебристые огоньки. На какой-то миг ёлке даже показалось, что она сама плавно кружится по комнате. И на стенах вместе с ней танцуют солнечные блики.

Радостно пикнул домофон. Мама с папой пришли!!!

Венька пулей выскочил в прихожую.

□

### **Надежда Борисовна ВАСИЛЬЕВА.**

*Ее перу принадлежат пять книг, вышедших в издательстве «Карелия»:*

*«Живой души потемки» (1992), «Судите сами» (1998), «Под созвездием Кассиопеи» (2004), «Етишкина жизнь!..» (2006), «По прозвищу Гуманоид...» (2007).*

*Неоднократно награждалась почетными грамотами и дипломами, стала лауреатом премии Главы Правительства Республики Карелия — «Сампо» (2007) — за создание книги «Етишкина жизнь!..».*

*Является председателем Карельского республиканского представительства Союза российских писателей, членом Международного совета литературного центра стран Баренц-региона (Швеция) и экспертом по вопросам культуры Ассоциации «Совет муниципальных образований Республики Карелия».*

